

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР С. А. БРИТАЕВА

А. Б. Бритаева

В статье на материале произведений С. А. Бритаева, осетинского писателя, сказочника, переводчика, публициста, исследуются основные тенденции развития осетинской детской литературы середины XX в. как подсистемы осетинской художественной словесности в целом. Дан комплексный анализ авторских сказок писателя, специфика, «особая художественность» которых заключается в их синтетической природе; через призму диалога индивидуально-авторского начала и традиционных сказочных жанрообразующих элементов в различных аспектах (жанровый синтез, система образов, стилистические особенности, авторская позиция) раскрывается художественный мир писателя. С опорой на архивные источники впервые введены в научный оборот произведения малой прозы автора, в том числе ряд неопубликованных рассказов. На основе исследования своеобразия творчества автора прослежены основные тенденции и характерные черты развития осетинской детской литературы указанного периода, как то: синтез фольклорных средств с собственно литературными (описание, детализация действия, психологизм, пластичность изображения), тенденция к переходу от фольклорных типов-обобщений к созданию индивидуализированных характеров; от народно-сказовой формы повествования и традиционных способов передачи коллективной точки зрения на мир к усилению творческого самовыражения, своеобразию проявления авторской позиции.

Ключевые слова: С. Бритаев, осетинская детская литература, осетинский фольклор, литературная сказка, фольклорные традиции, авторская позиция, образная система, художественный мир.

The article studies the main courses of evolution of Ossetic children's literature of the middle of the XXth century as a subsystem of the Ossetic artistic literature in general, namely in the books of S. A. Britaev, the Ossetic writer, storyteller, translator, and publicist. Complex analysis of the author's fairy tales is given, specifics, «especial artistry» of which lies in their synthetic nature; through the prism of the dialogue of the individual author's standpoint and the traditional fairy genre-forming elements in various aspects (genre synthesis system of images, stylistic features, and the author's viewpoint) reveals the artistic world of S. Britaev. The author's short prose works, including a number of unpublished stories, have been introduced into scientific discourse for the first time on the basis of the archival sources. The main tendencies and characteristic features of the development of this period's Ossetic children's literature are traced in researching the originality of the author's works, such as the synthesis of folklore means with literary ones proper (descriptions, action detailing, psychologism, image plasticity), tendency to change from folklore types-generalizations to creation of individualized characters; from the folk-fantastic forms of narration and traditional ways of transferring the collective point of view of the world to the strengthening of creative self-expression, the originality of the author's positions.

Keywords: S. Britaev, Ossetic children's literature, Ossetic folklore, literary fairy tale, folklore traditions, author's position, imaging system, artistic world.

Осетинская литература берет свои истоки из фольклора, самобытной истории народа, национальной духовной культуры и имеет свой неповторимый колорит. Детская литература рас-

сматривается исследователями как подсистема художественной словесности в целом, в контексте общих тенденций ее развития. «Всестороннее изучение этой подсистемы, — пишет исследо-

ватель татарской детской литературы Л. И. Мингазова, — делает необходимым обращение не только к вершинным произведениям, но и к творчеству малоизвестных авторов, произведения которых до настоящего момента оставались вне поля зрения исследователей. Одной из задач современного литературоведения является определение новых подходов к феномену детской литературы». [1, 6]. Об актуальности серьезного и всестороннего изучения творчества для детей, оказывающего неопределимое влияние на формирование основ нравственной и эстетической культуры человека, пишет и И. В. Мамиева в монографии, посвященной классику осетинской литературы К. Дзесову, автору замечательных произведений, адресованных в том числе и подрастающему поколению [2, 162].

Видной фигурой в пространстве осетинской детской литературы является Созырыко Аузбиевич Бритаев (1892-1961) — писатель, переводчик, публицист и ученый. Его творчество, ввиду разносторонних интересов автора, — сложный и многогранный объект научного изучения. Необходимость обращения к личности С. А. Бритаева, которому в 2017 г. исполняется 125 лет, обусловлена, разумеется, не только юбилейной датой, а в первую очередь недостаточной разработанностью и изученностью его художественного наследия как неотъемлемой части осетинской детской литературы.

Мы не претендуем в данной статье на всестороннее освещение творчества писателя, хотя оно и представляет несомненный интерес; остановимся лишь на анализе литературных произведений, написанных для детей. С. Бритаев известен прежде всего как писатель-сказочник. Он всю жизнь посвятил собиранию сказок и сам владел волшебным

искусством сказочника. Сказки его были широко востребованы и неоднократно печатались на страницах периодических изданий, а также выходили отдельными книгами на осетинском, русском, грузинском, украинском языках во Владикавказе (в те годы — Орджоникидзе), Москве, Ленинграде, Киеве и других городах бывшего СССР.

«Сказка — произведение малой формы, но “плотность” ее смысловой нагрузки чрезвычайно велика: она вмещает в себя и этические критерии, и эстетические представления, и критику сущего, и полет мечты, устремленной недостижимое будущее. Именно эта огромная “емкость” жанра и стяжала сказке внимание писателей всех времен и народов, видевших неограниченные возможности сказки в формировании сознания человека», — писал литературовед Д. Д. Нагишкин [3, 148].

Невозможно переоценить роль фольклора в формировании художественной литературы. Произведения сказочного эпоса являются неотъемлемой частью богатейшей сокровищницы духовных ценностей, созданных осетинским народом, дошедших до нас с незапамятных времен и не потерявших эстетического, художественного и познавательного значения.

Опыт мировой литературы изобилует примерами, когда авторский вымысел, изложенный в традиционной фольклорной манере, приводил к созданию долговечных, принимаемых народом, сказок. Литературная сказка, возникшая на основе народного творчества, наделяется новыми эстетическими качествами и излагается в более совершенной художественной форме.

Если придерживаться предложенной Д. Нагишкиным классификации (исследователь предлагает расположить сказки по степени близости их к исход-

ному материалу, к народному сюжету: пересказ народного произведения, литературная обработка народных сказок, сказка по фольклорным мотивам и собственно сказка авторская, основанная на законах жанра и не обращающаяся к народной традиции) [3, 30], то мы встретим у С. Бритаева и пересказ («Как мышь своему сыну невесту искала», «Козы Габия», «Чудесный пояс»), и литературную обработку («Волк, свинья и ворона», «Юноша Цард», «Красавица башни Большого Утеса», «Соловей горной долины», «Хан и бедняк», «Запоздалый», «Близнецы», «Мышиное ухо» («Алдары фырт Мыстыхъусы аргъау»), и сказки, написанные по фольклорным мотивам («Дзег сын Дзег»).

Работая по фольклорным мотивам, Бритаев сообщает новое значение народным сюжетам, новую жизнь — образам, зародившимся когда-то в художественном сознании народа. Намек, заложенный в изустном произведении, он превращает в картину, деталь обстановки, действия, развивает в самостоятельный образ, пленяющий воображение читателей. Произведения Бритаева не тяготеют к крайней лаконичности, подобно народным, не избегают описаний быта, человеческих чувств. Это обогащает повествование, насыщает его элементами насмешки и юмора, побуждает юного читателя к более глубокому осмыслению лиц и событий; учит понимать и ценить лукавое словцо, скрытый смех.

Бритаев не только использовал отдельные фольклорные сюжеты, зачастую прибегал он к контаминции мотивов, образов, деталей народных сказок. Например, работая над сказкой «Запоздалый», писатель не изменил даже имени главного героя, но, в отличие от народной сказки, в ней появляются новые образы: Ласточка и Добрый Дух

гор (*Хахты Фарн*). По мнению Б. Г. Мисиковой, «эти два образа усиливают смысловую нагрузку сказки» [4, 122]. Семеро сыновей вдовы не вернулись домой. Сильно горевала бедная женщина. Тогда Добрый Дух гор решил ей помочь и послал к ней ласточку: «лети, — говорит он ласточке, — на землю, спроси вдову: хочет она, чтобы я дал ей семерых сыновей, какие были, или же одного — отважного, храброго, как все семеро вместе взятые?» Женщина сделала свой выбор: лучше меньше, да лучше, как гласит народная мудрость. Храбрый, мужественный человек, по мнению автора, стоит семерых.

Сказки по фольклорным мотивам заметно отличаются от литературных обработок, автор обладает в них большей творческой свободой. Нагишкин писал: «...Свободы автора в сказках подобного рода не может умерить ничто, кроме народной традиции. Но если идеологические и эстетические взгляды художника народной традиции не противоречат, а с нею совпадают, то практически он безгранично свободен в своих дерзаниях, поисках, замыслах, сюжетах и разработке образов» [3, 36]. В этом случае все неистощимое богатство сказки, накопленное народом, становится для писателя надежным строительным материалом для создания собственного сказочного мира, и то, что создано народом, не только не стесняет автора, но является опорой, базой, фундаментом его произведений.

Подтверждением сказанному служит самая известная сказка Бритаева «Дзег сын Дзег» [5, 161]. Автор писал, что в ней он «использовал лишь имена из народных сказок» [6, 5]. Это не совсем так. Ранее мы уже отмечали, что «сюжет данного произведения контаминирован, в нем мы обнаруживаем множество известных фольклорных

мотивов, архетипических констант и пр., но это несколько не умаляет заслуг сочинителя» [7, 64].

В подзаголовке коротко изложен сюжет: «сказка о том, как отважный Дзег, сын старого Дзеха, отправился в дремучий лес, женился на дочери золотого Солнца, убил царя чертей Балгура и открыл ход из страны ночи в страну солнца». Сказка-повесть поделена на главы, из названий которых становится ясной общая сюжетная канва. Что объединяет ее с фольклором и в чем ее индивидуальность?

Одного перечисления встречающихся в сказке народных мотивов достаточно, чтобы проследить несомненную и прочную связь ее с устным народным творчеством. Начнем с *мотива «молельного сына»*. У старого Дзеха и жены его Азау нет детей, и они часто молятся Богу, чтобы он дал им «хоть одного черноглазого сына, хоть одну сероглазую дочь»; небеса долго не внимают их мольбам, но вот, наконец, родила Азау сына (гл. I и II). Следующий — *мотив «богатырского детства»*. Как и многие герои народных сказок, Дзег рос очень быстро: «за день на палец вырастал, а за ночь — на пядь».

В фольклоре также известен *мотив, когда отец возвращается с охоты и не знает о рождении сына*. Увидев в доме незнакомого человека и испугавшись, что это нечистая сила, охотник хочет убить его, но жена объясняет ему чудесное появление сына.

На *мотиве дележа наследства* строится глава «Как Дзег сын Дзеха решил спор трех чертей». Дзег встречает трех чертей, которые никак не могут поделить доставшиеся им в наследство шапку-невидимку, шкуру тура и войлочную волшебную плетель. Перехитрив чертей, герой завладевает волшебными предметами. Сюжет «Обманутых ле-

ших» (а в нашем случае чертей) широко известен и в международном сказочном репертуаре.

Следующий известный мотив, заимствованный автором из цикла Ацамаза в «Нартском эпосе», — *мотив волшебной свирели*. Дзег с помощью волшебной свирели, подаренной ему покровителем зверей Афсати, смог собрать выкуп за невесту.

Мотив переправы в иной мир. Герой в поисках похищенной жены спускается в подземелье. Его названные братья Тох и Атох из зависти решают погубить Дзеха и обрезают веревки, на которых спускали его в подземелье.

Чудесное посещение героем подземного царства — один из самых древних и распространенных мотивов в фольклоре народов мира, в том числе осетинском. Это — очень важный композиционный элемент сказки. В работе «Исторические корни волшебной сказки» В.Я. Пропп весьма подробно рассматривает случаи перемещения в иное царство, в иной мир, считая, что «переправа есть подчеркнутый, выпуклый, чрезвычайно яркий момент странственного передвижения героя» [8, 184]. Ученый приводит несколько способов этого действия. Один из них мы видим в исследуемой сказке: Дзеха спускают в подземелье его спутники Тох и Атох. Как отмечает Пропп, «механические средства переправы (лестницы, ремни, веревки, цепи, крюки и т.д.) представляют собой деформацию более ранних представлений. Данная форма переправы, точно так же, как и предыдущие, указывает на то, что здесь отражены представления о переправе в иной мир» [8, 195].

В сказке «Дзег сын Дзеха» весьма наглядно прослеживается влияние мифа, ведь посещение героем, связанным с Солнцем (он — его зять), нижнего (за-

гробного) мира — мотив мифологический. По понятиям древних людей, вселенная делится на три уровня: небесное пространство, земное и подземное. Представление о «трех мирах» встречается у многих народов: у древних греков, римлян, германцев и др. Все эти миры тесно взаимосвязаны. Земной житель Дзег побывал в верхнем мире — в гостях у Солнца, а затем в поисках жены, дочери Солнца, спускается в нижний мир — в подземелье. Анализируя образ дочери Солнца в космологической структуре осетинской «Нартиады», М. В. Дарчиева пишет: «Чтобы жениться на дочери Солнца, героям (в эпосе это чаще Батраз либо Сослан) приходится преодолевать различные преграды, справляясь с нереальными препятствиями» [9, 152-153]. Параллели с Нартовским эпосом вполне уместны и в нашем случае, однако испытания Дзэга, героя сказки Бритаева, после женитьбы не закончились. Ему предстояло отвоевать свою жену у правителя подземного царства Балгура.

Осетинской волшебной сказке, как, впрочем, и волшебным сказкам многих народов мира, свойственна **совокупность действий персонажей**. Чаще всего в сказке действуют три брата. Как правило, младший брат исполняет то, что не удастся сделать двум старшим. В нашем случае Дзег убил клыкастую старуху, которая съедала их ужин. Тогда братья, посчитав себя опозоренными, решают погубить героя.

Мотив Кащеевой смерти перекликается со смертью царя подземной страны Балгура: три вороны помещаются в сундуке, сундук — в утке, утка — в ястребе, ястреб — в гусе, гусь — в брюхе огромного кабана.

Мотив нарушения запрета. Во всех своих поступках и деяниях молодой охотник благороден и справедлив.

Но он человек, а поэтому не застрахован от ошибок. Впервые попав в дом старого волшебника, друга отца, он нарушает запрет: прячет два бараньих ребра (чтобы взять их с собой в дорогу), ту же ошибку он совершает в доме кривого Афсати.

Таким образом, герой не выдерживает испытания — не прислушивается к слову старшего, то есть нарушает определенные нравственные нормы. Но он находит в себе силы признать ошибки, просит прощения у старших заслушание. Так сказка Бритаева ненавязчиво морализирует, учит основам горского этикета.

Из народного творчества взяты многие мифологические образы этой сказки: **кьулбадаг ус**, у которой один клык до неба, а другой — до самого подземелья, **Кривой Афсати**, **девушки-птицы**, оказавшиеся дочерьми Солнца.

Афсати (Фсати), покровитель рогатых зверей, занимает почетное место в осетинском пантеоне и в мифологии почти всех кавказских народов. Происхождение этого божества относят к эпохе кобанской культуры (I тыс. до н.э.) [10, 374]. Данный образ подробно анализируется в работах З. М. Салагаевой [11, 86-92; 12, 44-49], Д. В. Сокаевой [13, 23-27], рассмотревшей также и образ дочери Солнца как «прецедент борьбы существ верхнего и нижнего миров» (а именно это мы наблюдаем в сказке «Дзег сын Дзэга») [14].

В волшебных сказках с древней основой вымысла, на материале каковой и написана сказка «Дзег сын Дзэга», явления природы объяснялись своеобразно. Увидев Дзэга в своем доме, дочери Солнца от радости то смеялись, то плакали: «...заплачут сестры, и небо покроется тучами, льет дождь. Засмеются сестры, и небо прояснится, и золотые лучи Солнца рассыпаются по всей зем-

ле» [5, 178]. Позже, после свадьбы, Дзег и дочь Солнца Зарина отправились с небес на землю. Мать Зарины напутствует их: «Три дня и три ночи будет лить дождь. То не простой дождь будет лить, а слезы мои и сестер Зарины. Потом дождь перестанет лить, потому что иссякнут наши слезы» [5, 187].

Подобное описание природных явлений встречается и в осетинской народной сказке «Матара сын Даууая»:

«А тем временем пошел такой проливной дождь, про который обычно говорят, что небо и земля колотят друг друга. Матара спрашивает:

— Что это за необыкновенный проливной дождь? Это удивительно!

И они ему объяснили:

— Каждый год руймон (дракон) поедает птенцов нашей матери, и наша мать, возвращаясь к себе, плачет. Она думает, что руймон опять сожрал ее птенцов. Этот проливной дождь — ее слезы.

Через некоторое время выглянуло такое палящее солнце, что у паршивоголового парша на голове лопалась волдырями.

— Что это за диво? Никогда не видел такого палящего солнца! — спрашивает Матара у птенцов орлицы.

— Наша мать узнала, что мы живы, — ответили они, — и для нее озарился весь мир» [15, 256].

Во всех подобных сказках волшебный вымысел вобрал в себя всю сложную систему мифологических представлений и понятий различных народов. «Сказочники искали объяснение явлениям природы, которые они по всем правилам мифологического мышления представляли в виде разных фантастических существ» [16, 72].

Таким образом, сюжеты произведений писателя — народные, композиции же и их разработка — авторские.

Наряду с фольклорными средствами обрисовки образов Бритаевым использованы и собственно литературные (описания, детализация действия, психологизм, пластичность изображения). Обнаруживается тенденция к созданию характеров вместо фольклорных типов-обобщений. Автор принял народно-сказочную форму повествования, но усилил проявление личного отношения повествователя к персонажам, «он вкладывает в старые известные формы, прижившиеся в народе, новое содержание, в привычные образы — новую душу. Переосмысливает и сюжеты, и замыслы, дополняя, развивая, обогащая их тем новым, что ему подсказывала современность» [16, 69]. Именно авторской позицией обусловлены соотношение фольклорного и индивидуального начал, синтез реального и фантастического в сказке, композиция, особенности системы образов, пространственно-временная организация, речевые характеристики, своеобычность стиля.

Любая авторская сказка, безусловно, отражает нравственные нормы, социально-политические проблемы и пристрастия того времени, в котором она создана, а также своеобразие творческой личности автора. Красной линией через большинство сказок Бритаева проходят идеи социальной справедливости, борьбы за свободу. Главная и основная цель героя сказки «Дзег сын Дзегга» — борьба за счастье: личное и общественное. Борьбе этой местами присущи мифические черты.

Как было сказано выше, действие происходит в трех сферах мироустройства: на земле, над землей (в небесах) и под землей (в преисподней). Но, несмотря на подобного рода пространственные параметры, сюжет сказки разворачивается на основе показа реальных взаимоотношений между людьми

ми. Характер Дзегга раскрывается в его действиях, в борьбе с врагами. В образе народа, рабов Балгура, в отношении к развертывающимся в сказке событиям ясно сказывается социальная сущность жанра.

Дзегг показан как поборник справедливости и борьбы во имя будущей счастливой жизни. Он не останавливается перед трудностями, идет на самопожертвование, хочет «убить злого насильника Балгура, освободить дочь Солнца и весь бедный народ, чтобы навсегда открыть ход из страны ночи в страну света» [5, 202]. То есть в мифологическом плане персонаж выступает как культурный герой, добывающий для людей огонь.

Как и фольклорный герой, персонаж сказки Созырыко Бритаева не всесилен, он не может самостоятельно решить все проблемы, которые одна за другой встают перед ним. Поэтому для достижения своих целей Дзегг прибегает к помощи волшебных предметов, помощников или магических сил: в дороге его опекает старый волшебник — друг отца; калым он добывает благодаря Афсати — покровителя благородных рогатых животных; передвигается на чудесной колеснице-самокате, подаренной ему Солнцем; неоценимую помощь оказывают герою и волшебные вещи, отобранные у чертей: шапка-невидимка, летающая туляшка и войлочная плеть, исполняющая любое желание.

Спустившись в подземное царство, Дзегг узнает, что «царь чертей Балгур много-много сокровищ упрятал от людей глубоко под землей». Описывая подземную страну, ее повелителя, писатель не поспешил на темные краски. Даже солнце здесь не такое, как в верхнем мире, — оно «светит синим светом, а ничуть не греет». Народ изнурен тяжелой работой. Богата страна Балгура,

но, как говорит один из ее жителей, «счастья в ней нет никому, кроме самого Балгура и его чертей» [5, 203].

Неослабно стережет Балгур сокровища земли, «сам не трогает их, только копит и людям не дает». Что же это за сокровища? Путешествуя по подземной стране, Дзегг увидел ручейки, реки, озера и море. И не вода в них была, а «нефть черная плескалась». Встали на его пути горы. «Одни горы были белые, как снег, другие блестели, как вода под солнцем». Есть горы, черные, как уголь, и черным блеском отсвечивают. Есть горы красные, желтые, зеленые» [5, 201]. Позже Дзегг узнал, горы эти состояли: одни из каменного угля, другие же — цинковые, медные, железные. В царстве Балгура Дзегг увидел, как рабы — черные худые люди — собирают жемчуг, промывают золотой песок и складывают в целые горы, как отделяют свинец, цинк, серебро от пустой породы. Дзегг мечтает открыть ход в подземную страну, показать людям, какие богатства скрываются в недрах земли, и научить их пользоваться ими. Персонаж сказки Бритаева преобразует царство мрака, заполняя его светом и стирая границы миров. Он выступает как культурный герой.

Особого внимания заслуживает сказка Бритаева «Сын бедняка и злой алдар» [5, 85]. Сказки подобного рода появились вместе с возникновением классового общества и воцарившегося в нем в силу социального расслоения неравноправия. Они отражали картину эксплуатации одних другими, безоговорочно становясь на сторону угнетенного, на защиту обездоленного; давали точную характеристику взаимоотношений между рабом и господином, между холопом и баринном, работником и хозяином, богатым и бедным.

В сказке «Сын бедняка и злой алдар» наиболее четко и ярко прослеживается

идеологический момент. Бритаев отобразил здесь мотивы классовой борьбы, показал тяжелую жизнь бедного народа. Персонажи этой сказки — бедняк Царгас, его жена Хорон, их сын Рухсар, злой алдар, Горе, небесный кузнец Курдалагон — несут в себе все характерные черты реальности, но в видоизменениях, подсказываемых жанром.

У бедного горца по имени Царгас были жена и семеро сыновей. Сыновья подросли и, как могли, помогали родителям. Но вот появился злой алдар: «Эй ты, горская собака! Живешь на моей земле, пьешь мою воду, моим воздухом дышишь, а не думаешь, собака, о том, что за все это самим Аллахом платить положено!» [5, 85]. Здесь автор отразил идеологию феодального строя, когда господствовавший класс обосновывает свое привилегированное положение Божьей волей.

Поскольку платить бедняку нечем, алдар поочередно забирает в рабство шестерых сыновей старика. На седьмой год, не прельстившись хилым видом Рухсара, младшего из братьев, алдар отбирает землю — кормилицу семьи, затем — корову, а в конце и вовсе выгоняет семью из родного дома. Стали они жить в темной пещере, но и там не чувствовали себя в безопасности. И решил тогда Царгас увести сына подальше от этих мест, отдать кому-нибудь в батраки, чтобы уберечь от алдара и голодной смерти. Старая Хорон осталась в пещере одна в надежде, что алдар ее не тронет, ведь по обычаю горцев обидеть женщину считалось большим позором.

Отец с сыном тронулись в путь. Остановились они отдохнуть в чистом поле возле высокого кургана. Присел старик и только промолвил слова: «Ох, горе мне, горе!», как пред ним предстал древний старик с белой длинной бородой. Так в сказке появляется новый об-

раз — Горе, отсылающий нас к сюжету народной сказки «Ох-ох и сын бедняка» [15, 241]. Но в отличие от злого волшебника Ох-Ох, созданного народной фантазией, образ Гора у Бритаева кардинально переосмыслен. Традиционным был бы образ черного Гора. По нашему мнению, автор, рисуя Горе стариком с белой бородой, хотел подчеркнуть его возраст. В самом деле, этот персонаж не мог быть молодым, ведь горю народному нет конца, сотни лет люди труда изнывали под властью угнетающих их алдаров. Идеологическая окраска этого образа прозрачна, можно сказать, лежит на поверхности.

В сказках Бритаева есть все, что характерно для народного произведения, в то же время в них отражена индивидуальная авторская манера и, что важнее всего, оригинальное, свое видение материала. Это позволяет через выдумку, волшебство выразить суть этических и эстетических представлений народа.

Горе оставляет у себя Рухсара, но с совершенно с иной целью, нежели его фольклорный прототип. Волшебник взялся обучать мальчика своему колдовскому ремеслу, чтобы тот смог одолеть злого алдара.

Провел он Царгаса и Рухсара в свои подземные владения, а там «отовсюду плач, причитания, стоны слышны». Испугались отец и сын, но Горе сказал им: «Не бойтесь! Это не здесь, а далеко отсюда, по всей земле плачут, стонут, причитают бедные люди. Это у них отсекают руки и головы, это в них пускают каленые стрелы, это их бьют плетями жестокие алдары» [5, 88]. Старик показал своим гостям в небесное зеркало, что алдар и в пещере не оставил в покое бедную Хорон. Прислужники алдара, презрев обычаи горцев, за волосы выволокли несчастную женщину из пещеры.

Через год Царгас вернулся за своим сыном, и что же он увидел? «Под курганом коридоров стало больше. И подумал он: «О горе людское, до каких же пределов ты будешь расти?» Рухсар вырос, возмужал, отец даже не узнал его сразу. А когда узнал, хотел обнять, но суровые обычаи дедов сдержали его порыв...» Так в сказочном действии отражены национальные образы мира, горский этикет.

Рухсар решил расправиться со злым алдаром. Взял с собой верных друзей и отправился к Горю за советом. Горе похвалил его: «Хорошо, что не один ты идешь. Один человек камень с места не сдвинет, а семеро горы перевернут. Удача и счастье ждут тебя и твоих друзей. Но долгов и труден будет ваш путь». Небесный кузнец Курдалагон выковал им оружие, и вышли они на борьбу с угнетателями. Справедливость одержала верх. «Да благословит тебя небо, Рухсар, за то, что ты освободил народ от злого алдара! Но помни, что далеко-далеко, за горами и морями немало таких алдаров — злых и жадных. И горе народное не уместить ни под какими курганами. Я стар уж стал, и смерть давно меня ждет. Оставайся тут вместо меня, смотри в небесное зеркало и облегчай горе народное. Ведь недаром тебя зовут Рухсар, что значит “тот, кто находит свет”. Так неси же в народ свет разума и правды!» — напутствует старик своего воспитанника [5, 97].

Литературная сказка — это многовариантный жанр художественного словотворчества, произведение с фантастическим сюжетом, оригинальной авторской концепцией, основанное на синтезе фольклорных и литературных традиций и преследующее этическое-эстетические цели. Сказка Бритаева, воссоздавая реальные события и факты жизни, дает читателю обобщение в форме,

свойственной жанру. При этом она часто гиперболизирует черты реальных лиц, события, осложняя их моментом волшебства (курган, небесное зеркало), вводя в действие необыкновенных персонажей (Горе, небесный кузнец Курдалагон), обладающих чудесной силой.

Если сказки Бритаева знакомы широкому кругу читателей и входят в сокровищницу осетинской литературы, то рассказы его малоизвестны. Часть из них публиковалась в периодической печати в 1940-1950-х гг. (журналы «Мах дуг», «Фидиуаг», «Пионер»), а другие и вовсе не были изданы.

На детскую литературу возложена большая ответственность. Идеальное произведение, адресованное детям — это произведение, в котором реализованы все четыре функции детской литературы: развлекательная, воспитательная, познавательная и эстетическая. Как пишет профессор О.Ю. Трыкова, «одной из важнейших функций детской литературы является функция развлекательная. Без нее немыслимы и все остальные: не заинтересовав ребенка, нельзя его ни развивать, ни воспитывать и т.д.» [17, 183]. И это справедливо.

Если вернемся к предмету нашего исследования — творчеству С. Бритаева, то здесь не все однозначно. Не все его произведения наделены необходимыми качествами: в рассказах «Кому труднее?» («Зындар кæмæн у?») [18] и «Габо и Тебо» («Габо æмæ Тебо») [19], например, сюжет откровенно растянут, и ребенок наверняка уже на второй странице потеряет интерес к описываемым событиям; кроме того они излишне дидактичны, хотя и поднимают важную тему труда. Этой же теме посвящено и другое произведение писателя — «Бодз и Бодзол», но и оно ничего не дает ни уму, ни сердцу юного читателя (разве что знание того, как правильно пасти

овец в горах) [20]; трудным для детского восприятия, на наш взгляд, является и рассказ «Вепрь» («Хъæддаг хуы») [21].

Известный педагог А.С. Макаренко писал: «Нет такой (даже самой сложной и глубокой!) проблемы, нет такого события, которые могли бы быть непонятны ребенку. Но вот найти ту особую форму повествования, которая сделала бы эти большие проблемы и события понятными маленькому (в смысле возраста!) человеку, — задача нелегкая. Владение такой формой и есть талант детского писателя» [22, 97]. Не во всех своих произведениях С. А. Бритаеву удалось выполнить эту «нелегкую задачу». Однако нужно сказать, что в большинстве случаев произведения автора соответствуют требованиям, предъявляемым к детской литературе: наделены занимательным сюжетом, ребенок в них почерпнет новые для себя знания, и, конечно же, они воспитывают в юном читателе лучшие человеческие качества: любовь к природе, к труду, учат его быть внимательным к окружающим людям, быть уважительным к старшим, учат любознательности, аналитическому осмыслению мира.

Сам автор называет эти произведения сказками, но это скорее рассказы с элементами антропоморфизма, назовем их рассказы-сказки (данный «синтезный» жанр получил впоследствии успешное развитие в творчестве, например, В. Гаглоева, Г. Чеджемова, М. Дзасохова [7, 128]).

Рассказы-сказки «Мышонок и Котенок» («Мыст æмæ Гино») [19], «Враги» («Знæгтæ») [23, 29], «Кути» [24, 23] адресованы детям младшего и среднего школьного возраста. Их герои — дети и взрослые, домашние животные и дикие звери, птицы и насекомые. Одни из них опираются на фольклорные традиции («Враги»), другие являются продуктом

исключительно авторской фантазии («Кути», «Мышонок и Котенок» и др.). Удачное сочетание занимательного, познавательного и художественного аспектов в этих произведениях писателя отвечает специфике детского восприятия и служит важной цели — воспитанию подрастающего поколения, чуткого и сопереживающего, отзывчивого и ответственного.

Ряд произведений С. Бритаева привлекает к себе внимание не только интересным, занимательным сюжетом, но и познавательностью, знаниями о природе, о жизни, которыми писатель обогащает своих читателей. Как отмечалось выше, познавательность — необходимое качество детской литературы. Рассказы-сказки «Язык муравьев» («Мæлдзыджыты æвзаг») [25], «Крысы-яйцееды» («Айкхор уырытæ») [26] расширяют представление юных читателей об окружающей их действительности, о природе. Привычная и любимая маленькими читателями форма сказки, а в данном случае — рассказ-сказки, позволила писателю емко, доходчиво, ненавязчиво ввести ребенка в мир знаний, вызвать и поддержать в нем интерес к познавательному материалу произведения.

Г. Гроденский, анализирувавший творчество В. Бианки, отмечал, что, несмотря на сложность сочетания научного материала с «антинаучным» антропоморфизмом, писатель весьма успешно применяет этот прием, присущий народной сказке. «Антропоморфизм в научной сказке (как в любой народной сказке) — это художественный литературный прием. Если он не извращает сущности биологического явления, не разрушает научной точности познавательного материала сказки, он закономерен и оправдан», — пишет исследователь [27].

Из неприязнительной на первый взгляд истории («Язык муравьев») читатель почерпнет много интересного: познакомится с жизнью муравьев, с тем, как можно использовать в своих целях знание того, чем питаются эти насекомые, что любят, как защищают себя и пр. Так же обстоит дело с рассказом о крысах, любящих полакомиться яйцами («Крысы-яйцееды»). Рассказы-сказки учат быть внимательным, зорким к окружающему нас миру.

В основе этих произведений писателя лежат натуралистические сведения, но при всем этом материал художественно осмыслен, освещен поэтическим светом. Повествуя, казалось бы, об обычной сценке из жизни природы, автор переводит внимание читателя на этические, нравственные проблемы. Когда-то В. Бианки цитировал М. Пришвина, который признавался, что «писать может только о том, что сам увидел, своими глазами, чему удивился». Настоящий художник (поэт) подобен малому ребенку. Он заново для себя открывает мир, в котором для него нет ничего «хорошо известного, а все ново, все загадочно, все чудесно и удивительно...» [28, 318]

Среди рассказов Бритаева особняком стоит один — «Дас туманы денуска хъуаг» («Сто рублей без одной денежки») [29]. Чем же примечателен этот рассказ? Писатель представляет нашему вниманию простую на первый взгляд историю из жизни сельского мальчишки, который взял чужое... украл... Рассказ глубоко психологичен, в нем раскрывается внутренний мир ребенка, попавшего в щекотливую ситуацию. Старая одинокая женщина жила у подножия башни, в глинобитной, темной сакле. Соседский мальчик Солтан часто помогал ей по дому: нарубить дров, прибраться во дворе... Вот и в этот раз

старушка попросила его принести от соседки угольки, чтобы разжечь огонь в очаге. В качестве вознаграждения она пообещала ему кусочек сахара. Поручение было выполнено, сахар съеден. Но мысли ребенка все время возвращались к заветной коробочке, которую старушка спрятала обратно в сундук — ему казалось, что сахара там видимо-невидимо. Улучив момент, когда старушка была у соседки, Солтан попросил у нее ключи от дома, сказав, что хочет нарубить ей дров про запас. Прибежав в саклю, он тут же забыл про дрова и кинулся открывать сундук, но, не найдя в коробочке сахара, был очень разочарован. Тогда мальчик решил взять найденные там золотые монеты. Взял поиграть... Все же лучше, чем ничего!

По возвращении домой Солтан сразу же пожалел о своем проступке. Автор живописует душевные терзания ребенка, которого мучают угрызения совести, но он не знает, как исправить свою ошибку. Несколько дней мальчик не мог ни есть, ни спать, а когда засыпал, снилось, как его забирают в тюрьму... Монеты жгут ему руки, он пытается избавиться от них: купить на них альки у соседских мальчишек, одну монету дарит соседской девочке. Вскоре весть о краже денег облетела все село. Оказалось, монеты дороги старушке как память о безвременно умершем ее сыне. И она очень расстроена тем, что воры не погнушались украсть единственную память о сыне. Совесть мальчика не вынесла тяжести постыдной тайны, и он во всем сознался матери; вняв ее уговорам, ребенок вернул украденное, сказав, что все деньги в целости и сохранности, не хватает лишь одной «денежки», той, которую он подарил соседской девочке Аминат. С тех пор за мальчишкой закрепилось прозвище «Сто рублей без одной денежки»... Прошли

годы. Солтан стал известным в республике человеком, но прозвище это нет-нет да всплывало в памяти знавших его с детства людей.

Каждое произведение автора дает уникальную картину мира. Писатель рассказывает о насущных, актуальных проблемах современной ему действительности. Он утверждает, что Добро и Зло противостоят не только в жизни, но даже в душе отдельно взятого человека, ведь человек — это огромный мир со своими сокровенными тайнами, драматическим осознанием ошибок и прощелов, мучительными поисками исти-

ны и счастьем неожиданных открытий. Произведения С. Бритаева наследовали то существенное, значимое, что было выработано фольклором. Нравственные ценности и художественные достижения народа пропущены в них сквозь призму индивидуально-личностного восприятия; проявление оригинального авторского таланта способствует в свою очередь приращению новых смыслов, неожиданных и свежих решений в осмыслении фольклорных идей, мотивов, образов и сюжетных ситуаций и, конечно же, создает неповторимый стилистический рисунок.

-
1. Мингазова Л. И. Своеобразие и тенденции развития татарской детской литературы XX века: Автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Казань, 2011.
 2. Мамиева И. В. Кудзаг Дзесов: Очерк творчества. Владикавказ, 1990.
 3. Нагишкин Д. Д. Сказка и жизнь: Письма о сказке. М., 1957.
 4. Мисикова Б. Г. Осетинская литературная сказка. // Осетинская филология: Межвузовский сборник статей. Орджоникидзе, 1984. С. 119-127.
 5. Бритаев С. Сказки. Владикавказ, 1995.
 6. Бритаев С. Волшебная папаха. Орджоникидзе, 1974.
 7. Бритаева А. Б. Осетинская литературная сказка: становление и развитие. Владикавказ, 2009.
 8. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946.
 9. Дарчиева М. В. Хуры чызг (дочь Солнца) в космологической структуре нартовского эпоса осетин // Молодые ученые в решении актуальных проблем науки. Владикавказ, 2012. Ч. 2. С. 152-155.
 10. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960.
 11. Салагаева З. М. Коста Хетагуров и осетинское народное творчество. Орджоникидзе, 1959.
 12. Салагаева З. М. От Нузальской надписи к роману. Орджоникидзе, 1984.
 13. Сокаева Д. В. Бог зверей Афсати в осетинской волшебной сказке // Фольклор народов РСФСР. Уфа, 1993. С. 23-27.
 14. Сокаева Д. В. Сюжет волшебной сказки. Владикавказ, 2004. 26 с.
 15. Осетинские народные сказки, М.: Наука, 1973.
 16. Ганиева А. М. Типология волшебных сказок народов Дагестана и Северного Кавказа // Жанр сказки в фольклоре народов Дагестана: Сборник статей. Махачкала, 1987. С. 69-82.

17. Трыкова О. Ю. Феномен бестселлера в детской литературе // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. I. Гуманитарные науки. № 1. С. 183-185.
18. Брытџиаты С. Зындџер кџемџен у // Мах дуг. 1960. № 8-9. С. 154-157. (на осет. яз.)
19. Брытџиаты С. Габо џемџе Тебо // Мах дуг. 1960. № 2. С. 26-30. (на осет. яз.)
20. Брытџиаты С. Дыууџе аргџауы // Мах дуг. 1958. № 12. С. 51-62. (на осет. яз.)
21. Брытџиаты С. Хџеддаг хуы (џецџег чи џерцыд, ахџем таураџегъ сывџеллџет-тџен) // Мах дуг. 1945. № 6. С. 30-36. (на осет. яз.)
22. Макаренко А. С. Избранные педагогические сочинения. В 4-х кн. М., 1949. Кн. 4. 590 с.
23. Брытџиаты С. Знџегтџе // Научный архив Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева (НА СОИГСИ). Ф. 35. Оп. I. Д. 29. (на осет. яз.)
24. Брытџиаты С. Кути // НА СОИГСИ. Ф. 35. Оп. I. Д. 29. (на осет. яз.)
25. Брытџиаты С. Мџелдзыджыты џвзаг // Мах дуг. 1960. № 7. С. 45-51. (на осет. яз.)
26. Брытџиаты С. Айкхор уырытџе // Мах дуг. 1983. № 4. С. 53-55. (на осет. яз.)
27. Гроденский Г. Виталий Бианки. М., 1954.
28. Жизнь и творчество В. Бианки (Статьи, воспоминания, публикации, письма). Л., 1967.
29. Брытџиаты С. «Дџес туманы денуска хџуаг» // Мах дуг. 1940. № 4-5. С. 37-41. (на осет. яз.)